

Бай Цаньюнь всё ещё осторожно уговаривал Фан Уцо, но тот уже не мог этого вытерпеть. Подняв руку, он сделал останавливающий жест:

— Я за тебя заступаюсь, а ты ещё и недоволен?

Фан Уцо искренне не понимал поведения Бай Цаньюня, и его красивые брови сошлись на переносице.

Если Бай Цаньюнь действительно так думал, то он был безнадёжен — из такого дерьма пулю не сотворишь.

Фан Уцо почувствовал к нему ещё капельку скрытого разочарования.

Заметив нахмуренные брови Фан Уцо, Бай Цаньюнь испуганно затрепетал всем сердцем. Его тон начал смягчаться, а голос постепенно затих:

— Брат, прости, я не... Я всем доволен. Я очень рад, что брат хочет мне помочь.

Он снова начал извиняться. Неужели у него такая пугающая внешность или что-то в этом роде? Бай Цаньюнь, похоже, отчаянно его боялся.

Фан Уцо вздохнул:

— Если не хочешь, забудь. Я вовсе не навязываюсь, просто делать было нечего, вот и решил развлечься.

Если бы Система не заставляла его выполнять задания, угрожая ударами тока, то Фан Уцо, уже проживший одну жизнь в Мире Пустошей, если бы мог выбирать сам, ни за что не стал бы связываться с таким человеком, как Бай Цаньюнь.

Бай Цаньюнь застыл на месте, его рука, преграждавшая путь Фан Уцо, медленно опустилась.

— Прости, я правда очень рад, я вовсе не против, — проговорил он с дрожью в голосе. Глаза у него покраснели, и, боясь, что Фан Уцо заметит, он быстро опустил голову, не смея встретиться с ним взглядом. — Но, брат, твоя рука ещё не зажила... Тебе же будет больно.

Фан Уцо от неожиданности едва не поперхнулся. Он никак не ожидал, что Бай Цаньюнь выдаст такое, и просто остолбенел.

— Ха-ха... — тихонько рассмеялся он.

Бай Цаньюнь озадаченно посмотрел на него.

— Брат, давай больше не будем никого бить, ладно? — набравшись храбрости, переспросил он.

Фан Уцо поднял руку, и Бай Цаньюнь инстинктивно зажмурился.

Чья-то рука опустилась на макушку Бай Цаньюня и легко похлопала.

С улыбкой Фан Уцо взъерошил волосы Бай Цаньюня:

— Ладно, как скажешь.

Мысленно он тут же вернулся в Психическое поле и с торжествующим видом заявил Системе:

— Слышала? Он сам не захотел моей помощи. Посмотрим, какая у тебя теперь найдётся причина меня током бить.

Система мысленно закатила глаза на Фан Уцо.

— Брат, ты случайно не считаешь меня никчёмным? — опустив голову, пробормотал Бай Цаньюнь. Он устоял на пол, на собственные носки туфель, говоря это так тихо, будто сам с собой.

Будучи Стражем, Фан Уцо при таком расстоянии слышал абсолютно любые звуки, издаваемые Бай Цаньюнем.

Раз уж Бай Цаньюнь задал этот вопрос с такой искренностью, Фан Уцо столь же прямодушно ответил:

— Есть немного.

Бай Цаньюнь уныло угукнул в ответ. Он впился ногтями в собственные ладони, изо всех сил стараясь совладать с выражением лица, чтобы Фан Уцо не увидел его расстроенным.

Заметив, как подрагивают плечи Бай Цаньюня, Фан Уцо убрал руку с его растрёпанных волос и небрежно прислонился к стене:

— Впрочем, сейчас ты выглядишь именно так, но кто знает, что будет в будущем? Смодишь добиться великих успехов.

В конце концов, Бай Цаньюнь — это будущий великий злодей, способный уничтожить мир, официально подтвержденный Системой, так что его перспективы и впрямь были безграничны.

В глазах Бай Цаньюня вновь зажёгся огонёк надежды:

— Брат, я буду стараться!

Фан Уцо неопределенно хмыкнул и равнодушно посмотрел на Бай Цаньюня: в его взгляде читалось то ли лёгкое ободрение, то ли полное отсутствие каких-либо лишних эмоций.

Бай Цаньюнь сжал кулаки, словно подбадривая себя:

— Брат Фан, подожди меня, я обязательно стану намного сильнее!

Хотя Бай Цаньюнь понимал, что Фан Уцо, скорее всего, бросил эти слова просто для утешения, но тот — выдающийся Страж ранга В — был готов вступить за него и сопровождать в Академию Белой Башни. Всё, что Фан Уцо делал ради него, казалось Бай Цаньюню чем-то невероятным, о чём раньше он даже не смел и мечтать.

Оказывается, на свете и правда есть человек, которому не всё равно, кто переживает, не обижают ли его, и кто, услышав крик о помощи и даже не разобравшись в ситуации, без колебаний готов прийти на выручку.

Фан Уцо был слишком хорош. В памяти Бай Цаньюня навсегда запечатлелся тот момент, когда они встретились впервые и Фан Уцо шёл к нему навстречу сквозь лучи заходящего солнца — эта картина озарила и потрясла всю его жизнь.

Он действительно хотел стать сильнее. Он не хотел быть бременем и доставлять Фан Уцо неудобства.

Он хотел стать сильнее, стать лучше. Настолько лучше, чтобы иметь право стоять хоть немного ближе к Фан Уцо.

Голос Бай Цаньюня звучал всё твёрже:

— Брат Фан, я обязательно стану сильнее, подожди меня, ладно?

Это прозвучало совершенно невпопад. Фан Уцо не понимал, чего именно тот просит его подождать, но он был совсем не против дать Проводнику обещание.

Лишь бы выполнить задание и вернуться домой, а делать ради этого можно что угодно.

— Договорились, я подожду тебя, — мягко произнёс Фан Уцо. Его лицо с вечно притягательной улыбкой уголков губ и влюблённым выражением глаз неизменно создавало ощущение предельной нежности и искренности.

Бай Цаньюнь едва не расплакался от умиления.

Фан Уцо — поистине великий и добрый человек!

— Спасибо тебе, брат Фан, — на глаза Бай Цаньюня навернулись слёзы.

— То-то же, с тебя причитается хорошая благодарность, — Фан Уцо даже не думал скромничать перед Проводником. Выпрямившись во весь рост, он качнулся, отчего воротник его одежды снова немного съехал в сторону.

Зрачки Бай Цаньюня чуть сузились, и он тут же, проявив расторопность, шагнул вперёд, чтобы аккуратно поправить Фан Уцо воротник.

Убедившись, что одежда на Фан Уцо сидит безупречно, он с небольшим запозданием сообразил смысл сказанного:

— Так... чего ты хочешь?

Бай Цаньюнь немного смутился: если говорить о благодарности и воздаянии за добро, у него, кажется, не было ничего, чем он мог бы отблагодарить Фан Уцо. Из того, что он мог предложить сам, ценного было слишком мало, а просто дать денег... пожалуй, у него даже не было такой суммы.

Фан Уцо огляделся по сторонам, оценивая обстановку вокруг Академии Белой Башни:

— Проведи меня по Академии Белой Башни, в прошлый толком осмотреться не удалось.

Бай Цаньюнь тут же снова почувствовал укол совести: если бы в прошлый раз Фан Уцо не потратил время на помощь ему, возможно, он успел бы сделать что-то гораздо более важное.

У самого Фан Уцо не было никаких дурных мыслей — он просто рассудил, что раз уж всё равно пришёл, то глупо уходить, не погуляв здесь как следует.

Увидев, что Бай Цаньюнь решительно кивнул, Фан Уцо повернулся и зашагал вглубь Академии Белой Башни.

То ли опасаясь, что Фан Уцо устанет, то ли по какой-то другой причине, но куда бы ни

направлялся Фан Уцо, Бай Цаньюнь следовал по пятам, неотступно держась в пределах пяти метров. Даже спускаясь по лестнице, он осторожно пытался поддерживать спутника.

Сначала Фан Уцо находил такую заботу трогательной, но после пары пройденных пролётов ему стало немного не по себе.

Не слишком ли сильно Бай Цаньюнь на нём заиклен?

Фан Уцо не был до конца уверен. Скосив глаза, он посмотрел на Бай Цаньюня, а тот как раз задира голову, глядя прямо на него.

Их взгляды неожиданно столкнулись, и оба тут же одновременно отвели глаза.

— ...

В воздухе повисло лёгкое смущение.

Фан Уцо тихо кашлянул, уперевшись пальцем в подбородок, как вдруг горячий взгляд Бай Цаньюня снова устремился на него из-за спины.

Фан Уцо уже собирался что-то сказать, но в коридоре Академии Белой Башни внезапно раздались шаги третьего человека, прервав его мысли.

Автор пишет:

Глупый автор! Наконец-то! Заметил, что забыл включить комментарии к главам, QAQ!

А я-то думал, эта штука сама включается)

Ох, ну наконец-то они открыты, жёнушки мои! Умоляю вас, проявите доброту и милосердие, налейте немного питательной жидкости и зажгите звёздочки, считайте это кормом для цыплёночка-ко-ко-ко [еда].

Глава 11. Этот щенок любит его

Фан Уцо легко уловил эти звуки, в то время как Бай Цаньюнь, лишённый столь острой чувствительности органов чувств, пока ничего не замечал.

Лицо Фан Уцо стало суровым. Он не знал, кто именно бродит сейчас по коридору Академии Белой Башни, но в любом случае, если обнаружится, что Страж незаконно проник на территорию академии, проблем не оберёшься.

На беду, этот коридор тянулся прямой линией без ответвлений: шаги доносились из-за ближайшего поворота позади, а конца следующего поворота впереди было не разглядеть. Стоило этому незнакомцу подойти чуть ближе, и он мгновенно заметил бы Фан Уцо, которому некуда было спрятаться.

Слушая, как шаги приближаются всё ближе, Бай Цаньюнь наконец тоже всё понял.

— Что теперь делать? — шёпотом спросил он.

Фан Уцо не видел вокруг ни единого укрытия, но бежать и прятаться из-за каких-то шагов было совершенно не в его стиле.

Может, просто дождаться, пока человек подойдёт, и вырубить его? В конце todo концов, ему не впервой проворачивать такое.

Взгляд Фан Уцо потемнел, пальцы едва заметно шевельнулись.

Бай Цаньюнь встрепнулся — словно они были связаны ментально, он мгновенно догадался о намерениях Фан Уцо. Он схватил Фан Уцо за руку:

— Брат, успокойся! Наверняка есть другой выход!

Фан Уцо холодно бросил:

— Отпусти.

Бай Цаньюнь сжал его руку ещё крепче.

При этом он то ли нарочно, то ли случайно провёл подушечкой пальца по центру ладони Фан Уцо.

Фан Уцо: «...»

В глубине его души зародилось лёгкое чувство отчаяния.

К чёрту. Забудьте про всякое спасение. Этот парень дурак, его не спасти.

Помимо страха перед тем, что другие обитатели Белой Башни обнаружат Фан Уцо, у Бай Цаньюня находилось время и на посторонние мысли:

Фан Уцо со всеми остальными держится очень сурово, но когда он велел ему отпустить руку, он ведь не стал ни отталкивать его, ни бить — значит ли это, что в сердце Фан Уцо он всё-таки занимает какое-то особенное место?

У самого Фан Уцо не было в голове никакой ерунды: он сосредоточенно прислушивался, вычисляя точное положение приближающегося человека, а его мозг работал на предельной скорости, лихорадочно подыскивая выход.

Цок.

Цок-цок.

Цок-цок-цок.

Инструктор Белой Башни, прижимавший к груди стопку методических материалов, завернул за угол коридора и поднял глаза: у окна стоял Бай Цаньюнь.

Форма Академии Белой Башни сидела на нём немного мешковато, а ярко-красная волонтерская повязка на рукаве ярко блестела в лучах солнца, падающих из окна.

Чуть запрокинув голову, он позволил прядям чуть отросшей чёлки упасть на лоб, обнажая бледноватое лицо.

— Что ты здесь делаешь? — озадаченно спросил инструктор, придерживая бумаги.

Бай Цаньюнь:

— ...Докладываю инструктору, я размышляю о жизни.

Серьёзно? Хотя ещё до того, как завернуть сюда, он чётко слышал какие-то звуки.

Инструктор огляделся по сторонам, но в длинном коридоре не было никого, кроме Бай Цаньюня, который приник к окну, изображая меланхоличного молодого литератора.

<http://bllate.org/book/25821/3086037>